Козлов Алексей Семёнович 12.2.94.

Козлов Алексей 12.2.94

Партия фортепиано на саксофоне

Козлов

Моск. правда. – 1994. – 12 февр. – с. 7

— Алексей Семенович, вас, известного джазового музыканта и композитора, в последнее время совсем не видно на экранах телевизоров. С чем это связано?

— Это абсолютно неверно. Мою музыку с пластинок «Арсенала» используют все, начиная от рекламы и кончая видеофильмами. Просто никто не спрашивает моего согласия и не указывает мое имя. Например, был прекрасный видеофильм о посещении Иерусалима нашим патриархом. Весь фильм шла моя пьеса «Последний взгляд», но автора в титрах не назвали. И денег не заплатили. Это нарушение всех моих прав. Единственное утешение — я увидел святые места и слушал при этом свою музыку. Или в «Что? Где? Когда?» Алена Чулок пела мою «Ностальгию» на стихи Б. Харитонова. Почему т. Ворошилов не предупредил меня и не заплатил ничего? Что я должен туда прийти с прокурором, секретарем парторганизации или автоматчиком? Хотя Ворошилов тут тоже ни при чем. Есть экономические отделы, а они говорят: мы ничего не знаем.

— Но ведь раньше это отслеживало Всероссийское агентство по авторским правам (ВААП), затем Российское агентство интеллектуальной собственности (РАИС).

— Система ВААП работала как часы. Они собирали авторские со всех публичных «живых» исполнений — с филармонических, стадионных концертов, постоянно платили и рестораны. Телевидение и радио же никогда не платило и сейчас не платит. Но ВААП работало в основном на себя, нам перепадали крохи. Никто не знает, какой процент они перечисляли авторам. Из валютного заработка, говорят, в ВААП себе 98 процентов оставляли. И деятельность их никем не контролировалась. Мне кажется, все эти выплаты не имели отношения к настоящим моим авторским гонорарам. «Арсенал» столько денег для государства заработал, что я должен быть уже миллионером. Однако все это закончилось и не потому, что не платят, а потому, что не собирает никто. Даже авторы популярных песен не получают своих гонораров. Это раньше мог прийти представитель филармонии на стадионный концерт, и попробуй не заплати. Там сразу в обком партии звонили, снимались с должностей все, вплоть до директора. РАИС практически прекратило сбор авторских.

— И как же все это отразилось на положении композиторов?

— Авторские поступления закончились. И теперь почти весь Союз композиторов, состоящий процентов на 60 из пенсионеров, оказался безработным. Хотя при Сталине сам Союз композиторов был создан для выявления наиболее талантливых людей, которые создавали бы идеологическую картину счастья. При сталинских лагерях существовала такая ширма, за которой они и прятались. И все люди пели прекрасные песни Дунаевского, Соловьева-Седого и были счастливы. Недаром еще до войны разрешили все легкие джазы Утесова, Цфасмана. Кроме того, кажется, в 1937 году было принято решение, что 2 процента от всего вала, от всех музыкальных предприятий шли в музыкальный фонд. Это была богатейшая организация, которой принадлежали миллионы и некуда было их тратить, потому что не разрешали. Даже композитором мог считаться только член Союза. Сейчас они оказались никому не нужными. Министерства культуры, филармонии не закупают больше опер, симфоний, мюзиклов, авторские тоже не собираются. Многие из них, а это люди старшего поколения, не понимают, что они оказались в другой стране, и ни к кому претензий предъявлять нельзя. Московское отделение композиторов, членом правления которого я являюсь, предпринимает гигантские усилия, чтобы помочь материально своим участникам. В частности, мы сдаем в аренду помещения коммерческим фирмам, из этих прибылей платим пособия.

— РАИС хоть как-то пытается исправить ситуацию?

— С ними сейчас происходит странная вещь. В прошлом году я впервые в жизни получил приглашение на учредительное собрание нового авторского общества, проходившего в здании Министерства печати. Прежнего директора РАИСа Андрея Семенова (Черкизова) уже к тому моменту сняли. Черкизова не пускал ОМОН, хотя он все-таки прорвался. Кроме того, утром того же дня, по слухам, которые потом подтвердились, сняли и самого министра печати Михаила Федотова. Точно никто не знал об этом. Все собрание носило характер фарса. Складывалось ощущение, что кому-то было важно, чтобы решение приняли именно в этот день. Федотов зачитал два указа президента: первый — о расформировании РАИСа, второй — рекомендации о создании общественной организации по защите авторских прав. В результате мы получили некую структуру, отличающуюся от РАИСа и ВААПа тем, что она является негосударственной организацией, а возглавляет ее сам М. Федотов. А что это РАО тогда сможет решать? Для того чтобы собирать «роялти», отслеживать авторские отчисления со всех концертных исполнений, с филармоний, с радио, ТВ, со всех частных ресторанов, казино, в которых работают наши поп-артисты, нужна государственная сила. Я присутствовал при попытке организовать такой отдел, чтобы собирать авторские, в частности, и со всех ресторанов. Но кто будет контролировать исполнение? Да нашего агента омоновец туда и на порог не пустит. Надо не агентов нанимать, а целую группу автоматчиков. У меня нет, например, никакой возможности получить деньги с ТВ и радио. Так что законы сейчас не действуют, везде процветает пиратство. Поэтому авторское общество должно состоять из издателей и агентов, но быть государственным. Я же как композитор продаю агенту свои права или часть прав, и он получает половину (если не больше) всех моих гонораров. Я за то, чтобы набрать агентов, обучить их, из них создать авторско - правовое общество, где мы, композиторы, будем в качестве клиентов.

— Алексей Семенович, за всеми этими проблемами не забыли еще, что вы известный джазовый музыкант?

— Я еще не забыл и действую как могу. Было много работы в «Аркадии», джаз-клубе, где кормилось много музыкантов, играя именно джаз. Однако это ночной клуб со своей особой публикой. А нужен еще и вечерний, чтобы зрители, послушав музыку, немного выпив, смогли бы уехать общественным транспортом. Сейчас такой случай представился — мы организовали клуб в одном из ресторанов ЦСКА. Это одна сторона моей деятельности. Сейчас же все силы трачу на другой проект — исполнение музыки, которую бы я назвал «неоклассикой». В основном, это произведения известных композиторов прошлого в моей обработке, где я играю на саксофоне в сопровождении симфонического оркестра. Давно меня привлекала такая идея, но подтолкнул к этому Юрий Башмет, неожиданно пригласивший меня в свою телепередачу. Я быстро, за один день, переаранжировал пьесу английского композитора Доулэнда, записав партию оркестра на компьютере, и мы с Башметом сыграли, импровизируя на тему этой пьесы. На фестивале во Франции, в Туре, мы сыграли уже «живьем» вместе с симфоническим оркестром. Так возник проект сделать целую программу джазовой музыки и классических произведений в абсолютно новой обработке, где партия фортепиано, например, будет исполняться на саксофоне.

Анна ЗУЕВА.